

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 1(091)

«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ» В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОНАУЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (СТАТЬЯ 2)

**В.В. Ильин*, Е.А. Бирюкова*, С.Н. Вишневская*, О.П. Сапегина*,
Е.К. Шаура****

*ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени
Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)» (Калужский
филиал), г. Калуга

**ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отно-
шений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»,
г. Москва

С рубежа технологического доминирования NBICS как ядра технoнауки не природа, а культура (человек) берет на себя креативные функции. История природы встраивается в тело родовой интеллектуально-технологической истории. С позиции высокой философской рефлексии изложенное уточняет магистраль сопряжения естественного и искусственного, мира природы и мира культуры. В обмирщении целей, созидании целемерной рукотворной реальности история становится воплощением свободы, свобода оказывается судьбой. Сферы неорганики, органики, надорганики делаются одной сферой – сферой порождающего устройства и порождения, востребующей всестороннего гуманитарного оправдания.

Ключевые слова: *инструментальный разум, технократическая рациональность, homo projectivus, homo humanus.*

Антропологическая плоскость. С легкой руки баденцев утвердился гносеологический hiatus природоведения (ПВ) – человековедения (ЧВ) [7]: в полноценной реализации своих эвристических призваний, дескать, первое устанавливает генерализации (проводит номологизацию явлений), второе – осуществляет индивидуализации (проводит идиографизацию явлений).

С высот современной доктринальной трактовки и понимания существа изысканий в науке – позиция более чем странная.

1. ПВ комбинирует общими утверждениями типа а) законов; в) законосообразных положений; с) прагматически ценных предположений. Вариации а) – закон падения; в) – закон Авогадро; с) – гипотеза Праута.

Статус (а) – генерализация. В общей внеситуативной записи:

$S(t) = \frac{gt^2}{2}$, где $S(t)$ – пройденный телом путь за некое время; g – ускорение свободного падения.

Статус (в) – сильнейшая, не подлежащая проверке идеализация, вводящая абстрактный образ «типичной» вещественности, поведение которой отображается формальным равенством – уравнением Клапейрона.

Статус (с) – полезное умозрение, вытекающее из отрешенной идеи «конденсации» атомов водорода.

Гносеологическое назначение ПВ – вскрывать номологические универсалии вида $\forall(x)(P(x) \rightarrow Q(x))$, завязанные на осреднение, распределение, статистику, совокупное действие необозримых массовых факторов. ПВ зиждется на тенденциях (по закону больших чисел). Ему «неинтересно» поведение индивидов.

Чисто технически «персонализация» допустима языком ПВ. При желании индивидуализировать закон падения исходная запись пополняется детализацией $S(t) = \frac{gt^2}{2} + V_0t + S_0$, где V_0 – скорость; S_0 – координата свободно падающего «конкретного» тела (ср.: программная декларация Ясперса: «Границей естественнонаучного познания является индивидуализирующая реальность...» [15, с. 299]). Что это привносит для решения задач ПВ? Вопрос риторический.

ПВ важно знать, какую объективную связь как таковую и как воплощает закон как таковой.

Закон сохранения энергии нельзя проверить в эпизоде горения любого полена в отдельности в любой точке Вселенной (мысль Наана). Несмотря ни на что, он принимается как закон – воплощение универсально-абсолютного.

Сходным образом закон Ома, не получаемый в качестве «чистой» связи из замеров в сетях, несмотря ни на что, рассматривается как ценная аппроксимация.

Закон как номологичная универсалия является дериватом гносеологически фундаментальнейшего отношения «регулярность», связывающего бытие и мышление (откуда: истина суть содержательная равнообразность мышления и его объекта: линия Парменида, Гегеля).

Подобно ПВ, ЧВ не может не комбинировать номологическими универсалиями в осуществлении автономных познавательных действий. В трактовке

– сенсуальности привлекаются соображения, передающие зависимости изменения эмоционального фона от электрической активности мозга, состояний кровеносной, дыхательной, эндокринной, нервно-гуморальной систем, сердечного ритма и т. д.;

– ментальности – зависимости становления области значений, динамики символических форм, семантических ареалов, социокультурных отягощений, категоризации, интерпретации и т. д.;

– социальности – зависимости мотивации, ориентации, фасцинации, инициации, адаптации, атрибуции, ингибции, фасилитации, экспектации и т. д.

Однако непосредственное назначение ЧВ – индивидуализирующая проекция регулируемых отношений. Концептуализация человечности проводится по схемам этосологии, нормологии, привязке персональных деяний к определенности общественного целого, в контурах которого протекает индивидуальная самореализация. Указанное – версификационный каркас, понуждающий (для соблюдения конвенансов теоретизма) вводить инварианты, типажи, каузальные универсалии предметной сферы. Все это тождественно культуре профессионального поведения в ПВ.

Далее, отличия – в замыкании полета «голой сути» (Пастернак) на «условия», «стечение обстоятельств».

В ПВ есть закон и гносеологическая линеаризация, обеспечивающая «чистоту» его выполнения в предметных ситуациях (включающая «защитный

пояс» – аргументация к закону больших чисел). В ЧВ ничего подобного нет. Скажем, есть закон о престолонаследии и есть прагматическая санкция (1713 г.), приспособляющая норму к казусу, принцип к прецеденту. В итоге общее место, конституирующее нераздельность господствующих земель, трансформируется в разрешение их наследования по дочерней линии.

Нюансы гносеологического квипрокво отменяют традиционную трактовку ПВ как исключительно генерализирующей, а ЧВ – как исключительно идиографизирующей концептологии. И там, и здесь – типологические приемы освоения материала с креном в эпистемологически релевантную специализацию производства идей.

2. Проводя универсализацию, ПВ активно прибегает к унификации в лице принципов симметрии, устраняющих зависимость рассуждений (тематизаций) от выбора систем координат, а именно: природоведческий смысл имеют лишь законы, не меняющиеся при повороте осей системы координат. Поскольку «закон преобразования частных производных $\frac{\partial}{\partial x}, \frac{\partial}{\partial y}, \frac{\partial}{\partial z}$ некоторой функции $f(x, y, z)$ при повороте осей системы координат совпадает с законом преобразования координат вектора, причем вторые производные... преобразуются как квадраты координат», постольку радикализируется $\Delta\varphi = \frac{\partial^2\varphi}{\partial x^2} + \frac{\partial^2\varphi}{\partial y^2} + \frac{\partial^2\varphi}{\partial z^2}$ [12, с. 26–27].

В соответствии с чем – с чисто формальной стороны – простейшие законы ИВ, «удовлетворяющие накладываемым изотропностью и однородностью пространства условиям симметрии» [12, с. 26–27], записываются лишь одним из трёх дифференциальных уравнений:

– уравнением Пуассона $\Delta u = f$ (Δ – оператор Лапласа, f – функция);

– уравнением теплопроводности: $\frac{\partial T}{\partial t} = \frac{a^2 \partial^2 T}{\partial x^2}$

($T(x, t)$ – искомая функция – температура в точке с координатой x в момент времени t);

– волновым уравнением: $\frac{\partial^2 u}{\partial x^2} = \frac{1}{a^2} \frac{\partial^2 u}{\partial t^2}$

($u(x, t)$ – искомая функция – отклонение струны от положения равновесия в точке с координатой x в момент t ; a – скорость распространения возмущения вдоль струны).

Совершенно однотипно поступает ЧВ, апеллируя к унифицирующим фигурам обмена деятельностью (ФСК – фундаментальные социальные константы) в регистрах: *язык, труд, общение*, и выводя из них правила полноты самореализации [6; 7].

На данном основании проводится общезначимая предикация базовых экзистенциальных состояний – того же счастья. Вспомним показательное толстовское: «Все счастливые семьи (и добавим – лица. – *Авт.*) похожи друг на друга».

В силу принципиальной идентифицируемости жизненной ситуации «счастье» выстраивать доктрину его возможно. Каждая же «несчастливая семья (и добавим – лица. – *Авт.*) несчастлива по-своему». На отрицательных индивидуализирующих понятиях доктрину выстраивать невозможно (ср.: отсутствие какой бы то ни было удовлетворимой доктрины технического во фрейдизме,

комбинирующем отрицательным идиографичным понятием «бессознательное»).

Отчетливое резюме мысли: теория счастья – есть; теории несчастья – нет. (В pendant сказанному: человековедческая теория жизни – есть; человековедческой теории смерти – нет).

3. На фоне конвергируемости различных эпистемологических сверток знания (в том числе в пределах ядра технонауки – NBICS) в сторону толерантности эволюционируют стандарты науки. «Мы ныне лучше подготовлены к мысли, – отмечает Блок, – что некая область познания, где не имеют силы евклидовы доказательства или жизненные законы повторяемости, может тем не менее претендовать на звание научной. Мы теперь гораздо легче допускаем, что определенность и универсальность – это вопрос степени. Мы уже не чувствуем своим долгом навязывать всем объектам познания единообразную интеллектуальную модель, заимствованную от наук о природе, ибо даже там этот шаблон уже не может быть применен вполне» [2, с. 14].

4. Диффамация архаичных отнесений к несопряжениям ПВ – ЧВ по агрегатным параметрам «универсальное – уникальное», «номологичное – акцидентальное», «деонтическое – факультативное», «прескриптивное – дескриптивное» и т. п. не отменяет профессиональной гносеологической спецификации антропно-гуманистического сопоставительно с физико (соматико)–натуралистическим.

Если не вытаскивать из закоулков метасознание картин частных, двигаться, что называется, поверх нюансов, стремиться к широте, полноте изъяснения, то правильно сосредоточиться на опредмечивающей результативной оболочке мыследеятельности.

Природно-физическое в генеральном своем представлении толкуется как вещественно сущее, определяемое (общим) законом, структурно осмысливается в кильватере суровой онтологической регуляризации и гносеологической линейаризации. В случае неисполнения данных приемов при вмешательстве возмущений (квалифицируемых как «незаконные») – онтологически: вводятся запреты (запрет Адамара), фиксируются изъятия (досадные, вытесняемые из поля зрения флуктуации, турбуленции), регистрируется экзотика (черные дыры, темная материя) и т. д.; унификация (ввиду эссенциализации рассмотрения), списываемая выявляемые в версификации деформации законов на погрешности эмпирической деятельности.

Совершенно идентично в генеральном своем представлении толкуется социально-гуманистическое, определяемое тем же (общим) законом. Законом физическим, физиологическим, социальным, правовым, этическим. Структурно осмысливаемое ЧВ антропное также фундируется жесткой онтологической регуляризацией и гносеологической линейаризацией:

– онтологически: вводится нормология (натуралистическая подкладка нормальности, дееспособности – «в здравом уме и при ясной памяти», позволяющих нести ответственность за поступки), номия (законосообразие самоутверждений при купировании аномии – беззакония, безнормного поведения), обеспечивающие нормированность постоянно воспроизводимой, коллективно солидарной жизнедеятельности, функционально выражающие бегство от сво-

боды; обслуживающие социальную интеграцию, социализацию, институционализацию личности (выбывание из колеи нормологии, расцениваясь девиацией, дисфункцией, мятежом, демаршем, средствами теории не осваивается, блокируется практически – рассеянные, концентрированные санкции, репрессии;

– гносеологически: делается избитый ход – типизация, стандартизация с исключением оригинальности, партикуляристы – традиционные теории типов, подведения под абсолюты (неокантианское отнесение к ценностям).

Выпячивание принципов в ущерб прецедентам, вписание лиц в «строй бытия», «вечный закон» (Платон), однако, гуманитарно амбивалентно, несостоятельно. Онтологически пренебрегает изменчивостью лица, гносеологически – его волеизъявительностью. Традиционной методологической сценографии знания, следовательно, предъявим счет «свобода и опасность свободы» автономно действующей человеческой единицы, в чем без труда усматривается неспособность ее вдохновлять на выстраивание антропоемкой «большой истории маленьких лиц».

И онтологически, и гносеологически проблематизируется допускаемая универсализация человеческой (именуемой «естественной») природы в разных ипостасях (ср.: Сенека: «Все, что ты видишь, в чем заключено и божественное (неизменное. – *Авт.*) и человеческое (изменчивое. – *Авт.*) о; мы – только члены огромного дела» [10, с. 52–53]. От божеского до человеческого, от идеального типа до персоны, от универсальной ценности до уникальной цели – дистанция великая. И доктринально она не проходит).

В подобном (традиционном) исполнении наука (тем более – технаука) версифицирует по большей части элементы «силогенных обществ» (с креном то в механику, то в органику) в полном невнимании к «теплоте», «близости», «приятности», «персональному выбору» и т. п.

Единственно надежный путь – достижения адекватности суждений – соответствия характеру изучаемого объекта. Но его-то и не добивается традиционное знание, осваивающее не «человечность», а эрзац человечности под фирмой «иерархии», «порядка». Коллективный надзор – скверное средство избавления от антропной обузы. Тем более в технаучной версии репрезентирования человечности.

5. Согласимся с авторитетным Заде, подчеркивающим нелинеоризируемость, неквантифицируемость экзистенциально-гуманистического: «Обычные количественные методы анализа систем непригодны для гуманистических систем и вообще любых систем, сравнимых по сложности с гуманистическими... В основе этого тезиса лежит то, что можно было бы назвать принципом несовместимости. Суть этого принципа можно выразить примерно так: чем сложнее система, тем менее мы способны дать точные и в то же время имеющие практическое значение суждения о ее поведении. Для систем, сложность которых превосходит некоторый пороговый уровень, точность и практический смысл становится почти исключительными характеристиками [5, с. 7].

Действительно, системное (в отличие от анализируемого в п. (4) структурного) отображение определенности гуманистических комплексов сталкивается с трудностями похождения модельных эквивалентов их синкретичности, холистичности по униформизации, уподоблению, употреблению бинорных отношений с рефлексивностью, симметричностью, транзитивностью. Уточняем

мысль: в выстраивании символических дубликатов затруднительно добиваться равносильности, изоморфности – содержательной сопоставимости значений по принципам «внутреннего устройства»; итоговая согласуемость систем S (объектной) и S' (репрезентирующей) здесь не гарантирована.

Прямолинейное соположение $S - S'$, передаваемое обозримым точным понятием «изоморфизм», заменяется (при концептуальной переработке гуманистических сред) строго не вводимым понятием «фронезис», эксплуатирующим идеи количественно несчитываемой – качественной объемности – жизненной многогранности, смысловой вариабельности, неравнообразной полифундаментальности.

Отсюда – герменевтическая романтизация постижения антропоемких контекстов в вариациях:

– Дильтея: предмет ЧВ – «данные во внутреннем опыте реальности ... переживаний» [4, с. 22];

– Риккерта: познание внутреннего мира опирается не на него, а на смысл, который он имеет [9, с. 31];

– Гадамера: достижение герменевтики заключается в переносе смысловой связи из чужого мира в собственный [13].

В ранее вышедших работах [6; 7] мы указывали на специфические методы реконструкции субъективного (гуманитарного) посредством партиципации, синхронии, эмпатии, мультипликации, фундаментализации, идентификации, реконструкции, экстраполяции, гиперболизации, концентрации, генерализации, стереоскопии.

В данном месте укажем лишь на формальную невыводимость, операциональную неалгоритмизируемость тонкой, как лезвие, человечности, не допускающей исчерпания ни инструментальным, ни альтернативным ему эйдетическим разумом: и техницистская схематизация, и интуитивистская идекция приносят сюда лишь заскорузлую фразу.

Приобщение к существу человечности в непредикативном фронезисе протекает как понимающее схватывание ситуативных (локальных) смыслов, значений отнесением их к ценностям (в пределе – к *Sinnwelt, Lebenswelt, Wertswelt*).

Своя своих познаша:

– по полноте переживания мгновения – момента: разговаривают о каких-то пустотах (!), московских забитостях, ненужностях, но думают о другом (! – одно в другом): что кратковременно соединяет [11, с. 410];

– общности судеб: по прошествии лет придет понимание: нечто иное, переполнявшее прожитое, «было тем, не имеющим названия, что человек ищет всегда» [11, с. 412];

– акаузальной многогранности: «...отсюда, с балкончика, она видела в своей жизни много всего... как конные разгоняли толпу... как бегали юнкера... как срывали с дома напротив вывеску “Братя Шмит”, как шли с флагами, с барабанами, как встречали... летчиков, бросали листовки, как горели ночами пустые дома с окнами, заклеенными бумагой... как громом громыхали танки...» [11, с. 461]; все – в одном, многое – в малом, – *carpe diem, carpe viam, carpe vitam*;

– прозрению: «В назначенный день встретились... смотрели друг на друга полумертвыми глазами, увидели несчастья, болезни, старость...» [11, с. 477];

– просветлению: «...он стал догадываться: то, что открылось внезапно... было вовсе не тысячною толпою, не бульваром, не криком раздавленных, не сумерками с холодным ветром, а – оползающим временем» [11, с. 460];

– олицетворению: «...известие о том, что Виктуара нет, ударило нестерпимо – так много было связано с ним... он знал, что Виктуар... ничтожное существо. Да разве... в том дело? Он был частью жизни... с его исчезновением умертвила... укоротилась... его жизнь» [11, с. 534];

– растворению персональной истории: «...человек он в своем роде замечательный, и неприятное заключалось не в его персоне, не в комичной стороне дела, а в том, что... исчезнет какая-то часть душевного прибежища, вроде шалашика детских лет в глухом углу сада, скрытого от глаз и принадлежащего ему одному» [11, с. 487];

– духовной близости: «...ты жизни не знаешь, живешь в своей конуре, а нынче женщина чего... хочет?... нет, не денег, не цветов, не духов французских и не козлом на диване прыгать... Ей стакан водки и поговорить» [11, с. 542].
Еtc.

Выражаемая *musica humana* точка зрения на человечность охватывает ярко, выпукло проступающую духовность, для которой в магистрали технологического (инструментального) претворения не находится никакого места.

Социальная плоскость. Цель социальной истории – развитие, развертывание, обеспечение человеческой свободы как полноценного состояния гуманитарных существ, добившихся независимости от косных внешних (природных и общественных) сил, сковывающих простор суверенной реализации. Достижение данного состояния, знаменующее конец жизненных мук, наступление счастья, доктринально версифицируется разнообразием. Из известных проектов выберем и оценим нужное.

Техноморфизм: платформа промышленной революции через прогрессивное (по исторически меняемым меркам) перевооружение труда. В прошлом – программы электрификации, автоматизации, химизации и т. д.; в настоящем – цифровизации, роботизации, информатизации и т. д. Упования на технический прорыв обретают очертания невиданной яви, правда, не дарующей чаемое.

Можно видеть свет в унылой тьме (Платонов «Родина электричества») по горящей лампочке Ильича (зажигаемой по емкой формуле «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны»)... Дело завораживающее. Между тем: что несет свет как форма лучистой энергии? Помимо бытового комфорта (освещение) – надежду. На выход из беспросветного, безрадостного существования – приближение к коммунизму... Так ли?

Модель техноморфично организуемого счастья разбивается о прозрение: «техническое» как преобразовательный рычаг – не самодостаточно, только обслуживает «социальное».

Социоморфизм: платформа социальной реорганизации за счет прогрессивного устройства общества от завирального спасения человечества через распространение эсперанто (Замятин «Алатырь») до учреждения «государства всеобщего благоденствия», «общества изобилия», «плюралистического общества»,

«индустриального общества», «всемирной теократии» (от В. Соловьева до Хокинга [14]), что эффективизирует (и по либерализму, и по консерватизму) деятельность выпускающих (от символов до вещей) блага цивилизации институтов.

На фоне изощренных тенденций отработки регламентов общественного рекрутирования – вовлечения и участия – усиливаются контртенденции противостояния благомыслящему и благодействующему обществу (педалирующему механизацию, автоматизацию социальной интеракции) в лице инфантилизма, эскапизма, эгоцентризма, индифферентизма, добровольного маргинализма.

В нарастании сопротивления фронтальному извращению человечности средствами гротеска легко вскрывается: до какой «ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек»; «мог так измениться» (Гоголь) в культивировании тотального мировейника: человек – для общества. С точностью до наоборот: общество – для человека.

Модель социотехнической организации счастья также разбивается о прозрение: «социальное» как устроительный рычаг – не «самодостаточно», только обслуживает «человеческое» последнее – ни концептуально, ни прагматически не усредненное, не осредняемое, не уравниваемое, не соблюдает стандарты, социально нивелируемые.

Техно- социоцентризму в порядках устроительной техники эволюционно-исторически оппонирует человекоцентризм с сакральной неугасаемой и неугасимой божественной искрой, преобусловливающей внутреннее влечение сапиента к символически высокому.

Как существо имперфектное, «трансцендирующее к высшему», осиянное *Scintilla Dei*, человек преодолевает натуралистическую относительность, конечность, ограниченность творчеством – гуманитарным самостроением, которое, удерживая человека на высоте исторических испытаний, одно согревает сердце, дает «благотворное побуждение духу» (Гофман).

Аксиологическая плоскость. Разбирая афоризм Гераклита «Всякое животное направляется к корму бегом» [1, с. 21] и отмечая его ультрасимволический (содержательнонепроясненный – загадочный) характер, Гачев, пытаясь восстановить развернутую логически продемонстрированную форму умозаключения (с исключением «произвольности» в мере обобщения и перенесения свойств с единичного на всеобщее), преобразует... в силлогизм:

а) каждое живое существо не знает, в чем его истинное благо, и направляется к нему силой необходимости.

в) человек – живое существо.

с) следовательно, человек (как существо живое) также направляется к своему благу силой необходимости [3, с. 176–178].

Не обинуясь, спросим: необходимости какой? В казусе человека как «исключительно животного» просматривается натуралистическая детерминация: животное движется к благу мотивами адаптационными. В казусе человека как «животного разумного» просматривается аксиологическая детерминация: животное разумное движется к благу мотивами креативными.

Неисповедимая тайна человека – две крайние точки: он приходит «из ниоткуда» и уходит «в никуда», но в промежутке оставляет осязаемый след – наследство и наследие. Верша таким образом свою судьбу, реализуя призвание,

человек возвышается над природным универсумом, обнаруживает, проявляет сверхприродную сущность.

Человек – создание божие, существо многомерное; характер его воссоздается атрибутивной конфигурацией с размерностью, большей трех. Он есть произведение натуралистическое; социальное; культурное; символическое; аксиологическое... каждое следующее за первым измерением измерение «снижает», превосходит предыдущее, оправдывая уместную детализацию:

- 1) человек – животное природное, но не только;
- 2) человек – животное природное – социальное: становится в антропогенезе посредством социализации, но не только;
- 3) человек – животное природное, социальное – культурное: становится в антропогенезе посредством причащения к культурной (в широком смысле слова) формации, но не только;
- 4) человек – животное природное, социальное, культурное – символическое: становится в антропогенезе посредством причащения к символической формации, но не только;
- 5) человек – животное природное, социальное, культурное, символическое – аксиологическое: становится в антропогенезе посредством причащения к этосу, но не только...

Прерывая уточнение, подчеркнем многомерность эволюционно-исторической кристаллизации сапиента: *Homo sapiens* моделируется плодотворным понятием *n*-мерного континуума, непосредственными (формально точными) аналогами которого выступают многообразие, многоосновность.

Многотрудная эволюционная шлифовка сапиента (*Homo sapiens*) передается представлением *n*-арной творческой операции, принимающей стадийные значения: *Homo erectus*; *Homo rationale*; *Homo farber*; *Homo artifex*; *Homo Holiticus (publicus)*; *Homo projectivus*; *Homo habilis*; *Homo significus*; *Homo loauens*; *Homo symbolicum*; *Homo interactivus*; *Homo aestimator (quadratus)* и т. д.

В качестве паушального итога: *Homo additus naturae*, являющийся интегралом сумм – от первообразной натуралистической (1) до многочисленных сверхнатуралистических антропогенетических слагаемых : социогенез (2); культуригенез (3); символюгенез (4); аксиогенез (5) и т. д.

В более формальном выражении (с использованием определения Коши): если на мировой линии сапиента (судьбический отрезок $[a, b]$) обособить точки $a = x_0 < x_1 \dots < x_n = b$, то в каждом отрезке $[x_{i-1}, x_i]$, $i = 1, 2 \dots$ и находится точка ξ_i , $x_{i-1} \leq \xi_i \leq x_i$, в отношении которой образуется сумма $S_n = f(\xi_1)(x_1 - x_0) + f(\xi_2)(x_2 - x_1) + \dots + f(\xi_n)(x_n - x_{n-1})$.

S_n зависит от выбора точек x_i , ξ (в качестве предельных функций – частичные модели человека – *Homo ludens*, *Homo urbanus*, *Homo fictus*, *Homo viator* и т. п.); в случае непрерывной функции $f(x)$ суммы S_n обращаются к идее предела. Последний и есть определенная интегральная трактовка человека в терминальном облике *Magnum miraculum est homo*.

Не будет избыточной смелостью утверждать: технонаучной (инструментальной) репрезентации такая трактовка не имеет.

Приближаясь к пониманию сверхприродной (интегративной – нередукционистской, частичной) человеческой сущности важно представлять: измерение *bio*, *socio* и т. д. перекрывается свободой заявления и проявления человеком

своей необезличенной своеобразной (personalitet) самости (das Selbst) [7]. Заявления и проявления по когеренции целесообразно вводимых персональных целей с имперсональными родовыми ценностями.

Прибегнем к схематизации:

а) имеется поведенческий акт, целесообразность которого конституируется ситуативно – локально расчисляемыми целями; локальная рациональность толкуется как соответствие поведения наперед поставленным калькулируемым мотивам;

в) имеется презумпция принадлежности агента действия (актанта) высшей – гуманитарной – сфере мироздания;

с) на базе в) протекает развертывание рефлексивного оценочного процесса с квалификацией а) в терминах уже не локальной, а глобальной общечеловеческой рациональности.

В пределах а) высокие аксиологические начала, абсолютные правила типа интенций на «добро», «благо», «совершенство», «справедливость» и т. п. девальвируются конъюнктурой, подтачиваются, стираются сиюминутным, утрачивают категорическую императивность. При расчислении частных в частном они подменяются императивностью гипотетической, ориентирующей на мимолетный успех.

Так, основополагающее «не убий», адаптированное к *loci sin quo*, заслоняется иезуитским: нельзя «всегда – везде», но можно «здесь – теперь» (социальная апология «войны справедливые – несправедливые»; ср. с персональной апологией радикального пацифизма монашествующих, воцерковленных). Между тем деятельность, крепящаяся на подрыве заветов во имя извлечения корысти, – неблагоприятна.

Отсюда: есть суд людской и суд Божий. Оправдываемый первым зачастую не оправдывается вторым. Отсюда же: ответственность пополненного самодвижения человека (тем более человека, наделенного полномочиями, принимающего судьбоносные решения), в отличие от подавляющей части остальных двуногих, тройка:

- перед собой;
- перед людьми;
- перед Всевышним.

Нет возможности сохранить гуманитарную самость, поддержать самоуважение на уровне высокой причастности *Homo aestimator*, как соотносить акты (а) в аксиологической (деонтологической) рефлексии (в) с внеситуативной родовой ценностной формацией (*Wertswelt*), выдающей вердикт о глобальной рациональности [7], и тем самым демонстрировать собственную сверхчеловеческую (*Scintilla Dei*) – божественную сущность.

Доктрина комбинирует крайне важный технической «факт разума». В границах синхронизации а) через в) с с) сапиент обнажает факт *Scintilla rationis*, вытекающий из принадлежности родовому разуму, универсальной гуманитарной организации.

Хотя с позиций теорий среднего уровня (теория идеальных типов Вебера; теории социального действия (ТСД) Парсонса) самоутверждение человека, руководствующегося не целями, а ценностями, – не рационально, предель-

ным инструментом регитимации человечности оказывается отнесение партикулярных целей к общезначимым ценностям. Подобное отнесение, конечно, не прагматично; оно аксиологично – диспозиционально альтруистично, амитологично, что и позволяет в творении мира (в идеале) его «малому архитектору» выказывать не эмпирическую, а трансэмпирическую субъектность, заявлять себя не целерациональным, но ценностнорациональным агентом действия.

Движение мысли по выделенным плоскостям достаточно определено, чтобы представлять базу обоснованного заключения.

Тупик явного гносеологического безвкусия демонстрируют сциентистски (редукционистски, фундаменталистски) настроенные типы идеологии (от юмизма, позитивизма до техно-, нейронауки), полагающие возможным выражать человеческое в человеке (генерально: смыслы, значения, ценности) ресурсом «точного» знания (от генной инженерии, биомедицины до искусственного интеллекта).

С учетом вышеизложенного утвердим: *Homo quadratus*, причастный надприродной ценностно-символической организации, – существо самовозвышающееся, «трансцендирующее к высшему», погруженное в нуминозное, – в самом точном изъяснении – предмет метафизики. Многократно и безуспешно отверженная метафизика – именно исключительно она – исследует «человеческое в человеке» [16].

С помощью науки, утверждает Камю, можно улавливать, перечислять феномены, нисколько не приближаясь к пониманию человеческого мира [8, с. 34].

Технонаука способна обновлять натуралистическую подкладку человека (претенциозные киберорганизменные новшества), но не человечность.

Метафизика всегда хоронила своих могильщиков, пронизательно замечает Жильсон; делает она это в очередной раз, настаивая на самоосновности метафизического (антропного) наполнения бытия человеческого.

Список литературы

1. Античные философы. Киев: Киев. гос. ун-т, 1955. 313 с.
2. Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1973. 504 с.
3. Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. М.: Просвещение, 1968. 302 с.
4. Дильтей В. Сущность философии // Философия в систематическом изложении. СПб.: б.и., 1909. 160 с.
5. Заде Л.А. Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов в принятии решений // Математика сегодня. М.: Знание, 1974. С. 5–49.
6. Ильин В.В. Философская антропология. М.: КДУ, 2008. 232 с.
7. Ильин В.В. Философия гуманитарного знания. М.: Проспект, 2019. 256 с.
8. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
9. Риккерт Г. Два пути теории познания // Новые идеи в философии. СПб.: Изд. «Образование», 1917. Сб. 7. С. 1–79.
10. Сенека. Нравственные письма Луцилию. М.: Наука, 1977. 384 с.
11. Трифионов Ю. Время и место. М.: Известия, 1988. 573 с.

12. Яглом И.М. Герман Вейль. М.: Знание, 1967. 48 с.
13. Historisches Wörterbuch der Philosophie / Hrsg. Y. Ritter. Basel: Schwabe Verl., 1974. Bd. 3. 273 s.
14. Hocking W.E. Man and the State. New Haven: Yale Univ. Press, 1926. 463 p.
15. Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Zürich; München: R. Pieper & Co Verl., 1949. 349 S.
16. The Future of Metaphysics. Chicago: Quadrangle books, 1970. 308 p.

THE «HUMAN» IN THE CONTEXT OF TECHNOSCIENCE CIVILIZATION (PART 2)

V.V. Pyin*, E.A. Biryukova*, S.N. Vishnevskaya*, O.P. Sapagina*, E.K. Shaura**

*MGTU named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga

** Moscow State Institute of international relations (University) of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow

At the turn of the technological dominance of NBICS as the core of technoscience, not nature, but culture (man) assumes creative functions. The history of nature is embedded in the body of a generic intellectual and technological history. From the standpoint of high philosophical reflection, the aforesaid clarifies the line of conjugation of the natural and artificial, the natural world and the world of culture. In the purpose of conciliation of goals, the creation of a concrete, man-made reality, history becomes the embodiment of freedom, freedom turns out to be fate. The spheres of non-organics, organics, supra-organics become a unified sphere – the sphere of the generating device and generation, demanding comprehensive humanitarian justification.

Keywords: *instrumental mind, technocratic rationality, homo projectivus, homo humanus.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», (Калужский филиал), Калуга. E-mail: vvilin@yandex.ru

БИРЮКОВА Елена Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», (Калужский филиал), Калуга. E-mail: cek-mgtu@mail.ru

ВИШНЕВСКАЯ Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», (Калужский филиал), Калуга. E-mail: ce3@bmstu-kaluga.ru

САПЕГИНА Ольга Петровна – кандидат экономических наук, доцент

кафедры общественных наук ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», (Калужский филиал), Калуга. E-mail: ce1@bmstu-kaluga.ru

ШАУРА Елена Константиновна – кандидат философских наук, доцент, докторант ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва. E-mail: elenashaura@mail.ru

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – PhD, Prof., Head of the Department of Social Sciences of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru

BIRYUKOVA Elena Anatolyevna – PhD, Assoc. professor of the Department of Social Sciences of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: cek-mgtu@mail.ru

VISHNEVSKAYA Svetlana Nikolaevna – PhD, Assoc. professor of the Department of Social Sciences of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: ce3@bmstu-kaluga.ru

SAPEGINA Olga Petrovna – PhD, Assoc. professor of the Department of Social Sciences of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (Kaluga branch), Kaluga. E-mail: ce1@bmstu-kaluga.ru

SHAURA Elena Konstantinovna – PhD, Assoc. professor, doctoral student of Moscow State Institute of international relations (University) of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow. E-mail: elenashaura@mail.ru